

Сицилия Морэ

Незанимательная миниатюра

18+

Сицилия Морэ

Незанимательная миниатюра

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Морэ С.

Незанимательная миниатюра / С. Морэ — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Сборник маленьких рассказов. Обложка: Free image stock torange.biz Авторские
права: This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0
International License.

© Морэ С., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Непутевая мать	5
Глазами призрака	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Непутевая мать

Укутав малютку в белоснежную пеленку с кружевными оборками, женщина любя прижала свое чадо к груди и тихо запела, стараясь успокоить капризное дитя. И это сработало, спустя каких-то тридцать секунд волшебного пения ребенок затих.

– Вот так, – мама уложила младенца в коляску и чмокнула его в нежный лобик.

Уставшая и измученная ночными рыданиями и пеленаниями, женщина тихонько оделась, стараясь не нарушить долгожданный сон ребенка.

Она катила коляску по осенним улицам шумного мегаполиса, который, казалось, никогда не смолкал: водители недовольно били по клаксонам, подгоняя друг друга на светофорах, ребятня, возвращаясь из школы, кричала и свистела. Женщина с опаской оглядывалась по сторонам и старалась выбирать тихие маршруты для прогулки. Не дай Бог малютка опять проснется! Но нет, девчужка тихонько сопела в коляске. Ее даже не разбудил внезапный лай дворовой собаки, погнавшей за велосипедистом.

Детская площадку в глубине дворов казалась единственным спокойным местом. Устроившись на влажной скамейке, женщина вынула из сумки книгу сказок и тихо начала читать ее вслух. Огромные драконы, сокровища, спрятанные в недрах земли, храбрые принцы... Мама очень хотела, чтобы дочка «увидела» во сне все то, о чем она читает: и высокие замки, скрывающиеся за волшебными лесами, и бурные реки, и красивых бабочек, порхающих среди тропических магических цветов. Да, она знала, что ребенок мал и не понимал всей прелести сказок, но, тем не менее, она продолжала перелистывать страницу за страницей, повествуя о странствиях и приключениях.

Повеяло прохладой. Женщина взглянула на посеревшее небо и медленно поднялась, пряча книгу в сумку.

– Пора, – сладко пропела она, погладив по щеке дочку. Мама поправила одеяло и покатила коляску в сторону магазина.

– Проходите, – мужчина в черном пальто придержал дверь и мимолетно взглянул на тихо спящего ребенка.

– Спасибо, – поблагодарила женщина. Она оставила коляску недалеко от входа, попросив охранника присмотреть за ней. Ничего не опасаясь, мама спокойно пошла за молоком, не заметив, что над коляской склонился тот самый мужчина, любезно открывший ей дверь. И только возвращаясь обратно с бело-синим пакетом молока, она увидела оживленную толпу, загораживающую ее прелестное чадо.

– Расступитесь! – взмолилась она. – Что вам нужно от моего ребенка?

Женщина достала маленький спящий кулечек и крепко прижала к себе. Она совершенно не понимала недовольство людей, их перекошенные от ужаса лица, их перешептывания и порицания. Что не так с ними? Почему они так смотрят и ведут себя?

– Женщина, – на плечо матери опустилась тяжелая рука полицейского.

Все еще сжимая ребенка, мать со страхом в глазах глядела на мужчину в погонах и совершенно не понимала, что он здесь делает. Может быть, произошло ограбление? Но тогда почему он обращается к ней? Ведь она ничего не брала. Она опустила взгляд и увидела у себя под ногами порвавшийся пакет с молоком.

– Я не заплатила, – тихо произнесла она и дрожащей рукой достала деньги из кармана. – Вот.

Дверь магазина распахнулась, потревожив пронзительно звонкий китайский ветерок. Женщина в синем костюме, сжимая в руках оранжевый чемоданчик, оглядела присутствующих и грозно спросила:

– Кто?

Полицейский кивнул в сторону матери и приказал толпе расходиться. Но никто даже не шелохнулся. Каждый посетитель с замиранием сердца смотрел, как врачи скорой помощи бережно стараются забрать ребенка из цепких объятий матери. Внезапно женщина дала слабину, ее ноги подкосились, и руки опустились. Присутствующие с ужасом уставились на ребенка, укутанного в белую пеленку с оборками. Когда-то нежная розовая кожа младенца была покрыта темнеющими пятнами. Ребенок был похож на обуглившуюся куклу.

В магазине повисла угнетающая тишина, и только слышно было тихое волшебное пение матери.

09.09.2015

Глазами призрака

Здравствуйте. Вам интересно, кто я? У меня много имен... Кто-то считает меня иллюзией, кто-то галлюцинацией, иногда даже миражом или просто легендой. Но все равно я рада, что вы пришли. Я рада любому человеку, существу, которому можно рассказать мою историю, ибо до этого у меня просто не было такой возможности. Усаживайтесь поудобнее, я не хочу, чтобы, слушая мой рассказ, вам было некомфортно, может, именно поэтому я буду рассказывать свою долгую историю в тот момент, когда вы крепко спите на ужасно твердом диване. Возможно, именно тогда вы сможете услышать мой рассказ, ведь во сне человек способен видеть многое.

Меня зовут Агнесс Данн. Обычное английское имя с американской фамилией. Агнесс... Так меня называли до двадцати трех лет, пока моя жизнь резко не изменилась.

Я появилась на свет 9 ноября 1915 года в маленькой темной комнатке, освещенной одной настольной лампой с бордовым абажуром. Откуда я знаю, как все выглядело? Мне рассказывала мама... Очень добрая, нежная и вечно улыбающаяся мама. Она всегда завязывала длинные до пояса волосы в тугий пучок, когда собиралась идти на работу в школу. Каждое утро она готовила завтрак, ждала пока я, мой брат и папа покушаем, а после довольная целовала нас в лоб и уходила, оставляя за собой запах новых духов.

Мы жили небедно. Папа в ту пору был одним из самых читаемых авторов, поэтому каждый ужин у нас к столу было свежее мясо и ароматное красное вино. Отец был бывшим военным, но из-за травмы ноги его не призвали на фронт во время боевых действий того периода, так что, благодаря ему, в доме царил порядок и строгий режим. Но, тем не менее, он был великим человеком с доброй душой. Никогда в жизни он не уходил из церкви без пожертвования в сотню фунтов, а перед Рождеством сажал нас возле камина на большие мягкие подушки и требовал, чтобы каждый из нас сделал по три плюшевые игрушки для сиротского дома. Для меня это было в удовольствие работать иглой, а вот моему старшему брату Дилану это совсем не нравилось, может поэтому его игрушки были не такие ровные и красивые, как наши с мамой.

И вообще, если говорить о брате, то он был злым и жестоким человеком. Я не знаю, в кого он пошел характером. Мама говорила, что он – копия ее родного брата, то есть нашего дядюшки Тайлера, который в свои неполные сорок пять лет четыре раза был пойман на грабеже и одном убийстве.

Но вернусь к брату... Дилан был старше меня на три года. Я как сейчас помню его взъерошенные светлые волосы и холодные пронзительные голубые глаза. Однажды, когда я гуляла с подружкой Роуз по берегу городского пруда и кормила уток, плавающих в мутной зеленой воде, то мы увидели Дилана. Он, выпрямившись, стоял возле большого дуба и бил палкой маленького щенка. Я не помню, что было потом, но знаю точно, что пыталась отнять у него палку, он размахнулся и опустил ее мне на голову. Из раны полилась кровь, испачкав мое новое белое кружевное платье. Я разрыдалась... Родители ничего не узнали о случившемся. Я прибежала домой и кое-как отстирала платье. Я боялась. Боялась, что Дилан сделает что-то плохое, если я наябедничаю.

Шли годы. Я окончила школу и перебралась в настоящий большой город с большими пятиэтажными домами и вечно спешившими людьми.

Первое время я терялась. Не могла найти себя на новом месте. Сняв квартиру на последнем этаже маленькой серой пятиэтажки, я принялась искать работу. Сначала я устроилась в кафе, но моя неуклюжесть сыграла свою роль и через две недели меня уволили. Я принялась ходить по конторкам в поисках работы, но меня никуда не хотели брать. Мне стало совсем тоскливо, и я собралась было уехать обратно к родителям и признать слова брата, что я «ни на что не годна». Однако судьба послала мне шанс.

Однажды, выходя из очередной конторы, я наткнулась на красивую немолодую женщину. Она окинула меня скучающим взглядом, заметила в руках бумаги с адресами, где меня ждут на следующее собеседование, и ее смуглое лицо озарила улыбка. Она протянула мне руку, усаженную кольцами, и представилась.

Ее звали Эмили МакСтюарт. Наследница отцовской империи салонов парикмахерских и жена богатого предпринимателя. Она слегка наклонила голову и предложила отойти в сторону.

Мы устроились в парке в тени высокой сосны. Эмили положила ногу на ногу и с интересом посмотрела на меня. Поначалу я не поняла, что ей от меня нужно, но когда она заговорила о том, что давно искала «такую красивую кудрявую особу, которая будет прислуживать им», я напряглась. Эмили, сжимая в правой руке белые перчатки, говорила о том, что я обязана принять ее предложение. Конечно, быть прислугой мне совсем не хотелось, но и приезжать домой с позором не хотелось вдвойне.

Эмили радостно засмеялась, услышав от меня согласие.

Я начала работать на следующее утро. Придя в квартиру к МакСтюартам, я невольно открыла рот: золото было почти в каждом предмете декора от маленьких десертных ложек, до огромных массивных картинных рам.

Эмили встретила меня в белоснежном шелковом халате, сжимая зубами мундштук. Серый дым от тонкой сигареты поднимался к хрустальной люстре. Женщина провела меня в комнату прислуги и показала мне униформу, покоившуюся на массивном кресле.

Пока я переодевалась за ширмой явно привезенной из Японии, Эмили давала мне распоряжения. Для начала я должна была вытереть везде пыль метелкой из страусиных перьев, потом вымыть полы, не используя порошок, а затем, после еды, перемыть посуду, которой оказалось чересчур много.

Работы оказалось достаточно, и это неудивительно, ведь квартира занимала два этажа, плюс выход на крышу, откуда открывался потрясающий вид на туманный город.

Почти каждый день к МакСтюартам приходили гости. В дневное время забегали подружки Эмили с детьми оставляя их на попечение милой няни Элеоноры Китон, следившей за очаровательными близнецами Эмили и Джошуа – Джулианом и Алексис. Детишек я видела редко – в основном они сидели на втором этаже в своей огромной комнате, завешанной разноцветными шторами и обставленной резной мебелью, а с Элеонор я встречалась за обедом. Она была очень красивой молодой особой с прямой осанкой и невероятно большими карими глазами. Девушка жила в доме, потому что только она могла успокоить близнецов, которые могли заплакать без всякой на то причины.

К пяти часам приходили родители Джошуа, и после восьми вечера их сменяли общие друзья четы МакСтюартов. До полуночи было принято играть в карты и пул, расположившись в уютной комнате на первом этаже, откуда доносился смех и стук шаров друг об друга.

Я не покидала рабочее место до тех пор, пока последний слегка подвыпивший мистер или миссис не покидали апартаменты МакСтюартов. Потом я быстро вытряхивала переполненные пепельницы в мусорное ведро, протирала стол и мыла бокалы из-под вина и шампанского.

Работа была тяжелой и изнурительной. Приходя домой, мне хватало сил на то, чтобы умыться холодной водой и упасть на кровать. В такие моменты, уставившись пустым взглядом на облупившийся потолок, я думала, что способна только убирать, драить и потом валиться от усталости. Я считала, что пора сдаться и вернуться в родное гнездышко: в теплый дом, стоящий на холме, с которого я в детстве каталась на санках. Однако что-то мне подсказывало – не стоит мне все бросать – надо продолжать работать.

Я вставала каждое утро в шесть часов и шла к МакСтюартам к восьми. Возвращалась домой в начале третьего ночи. Это был мой привычный график работы с жалованием, хватающим только на оплату квартиры и глоток виски в баре. Но однажды одним утром все изменилось.

Я как обычно пришла на работу и принялась за уборку. Раньше я всегда начинала убираться с гостиной, но в тот день сама не знаю почему, я, взяв в руки метелку, направилась в библиотеку. Поднявшись по винтовой лестнице, я свернула налево и отворила дубовую дверь. Войдя в комнату, я первым делом направилась к окну и отодвинула тяжелые портьеры. Сквозь чистое стекло, вымытое тщательно мною вчера, и узорчатые решетки я увидела на улице четверку одетых в форму полицейский. Из кабачка вышел полисмен, держа под руку пьяного мужчину. Я глубоко вздохнула, сочувствуя бедолаге, который, наверное, устроил дебош в заведении.

Я отвернулась от окна и в раздумьях направилась к шкафу, набитому собраниями сочинений мировой литературы. Чтобы достать до верхних полок мне понадобилось принести стремянку из кладовки. Боясь упасть, я медленно поднялась в полный рост на неустойчивой лестнице, держась руками за полки.

Книги я любила. Я читала очень много и с удовольствием, поэтому увидя на последней полке толстую книжку в красном переплете, я вытащила ее и бережно раскрыла. Перелистывая страницу за страницей, я углубилась в чтение. Я простояла бы так еще долго, если бы часы, стоявшие возле окна, не пробили девять часов. От неожиданности я вздрогнула и чуть не потеряла равновесие. Уцепившись руками в деревянные полки, я снова выпрямилась, в глазах стало темнеть, и для того, чтобы не упасть я пробежала взглядом по книгам. На мгновение взгляд уловил что-то маленькое в том месте, где стояла книга, которую я взяла.

Я потянула руку и вытащила из глубины шкафа маленькую шкатулку. Раскрыв ее, я невольно ахнула. Поставив книгу на место, я провела пыльными пальцами по мерцающим украшениям. Они были такие красивые, элегантные, искусные, что я не могла не взять в руки хотя бы что-то из лежавшего. Вытаскивая украшения одно за другим, я прикладывала их к себе и представляла, что это все мое, и я могу носить их, когда моей душе будет угодно.

Мои мечты прервали шаги на лестнице. Быстро закрыв шкатулку, я поместила ее на место, в панике не заметив, что тонкая цепочка с большим рубином осталась в моей руке. Я машинально сунула украшение в карман передника и принялась за работу, пообещав себе, что верну цепочку в самый удобный момент, который так и не наступил.

Я долго думала, что мне делать с дорогим украшением и остановилась на том, что надо его спрятать до подходящего момента.

Я села на кровать, взяла маленькую пуховую подушку и распорол шов с помощью единственного ножа, который у меня был. Опустив цепочку в невесомый пух, я потянулась за нитками и игольницей и аккуратно зашила разрез.

Удивительно, но ночь я спала замечательно. С тех пор, как я работала у МакСтюартов, я ни разу не высыпалась так, как в ту ночь. Я открыла глаза и поняла, что сегодня самый лучший день, какой у меня когда-либо был.

Пришла я на работу полная энтузиазма, не боясь того, что могли обнаружить пропажу. Как только нога вступила на территорию МакСтюартов, я сразу столкнулась с малюткой Джулианом. Он стоял на лестнице и пристально изучал меня, а потом его лицо озарила довольная улыбка, его крошечная ручка поднялась вверх. Помахав рукой, Джулиан засмеялся и убежал вверх.

Ошарашенная такой встречей, я растеряно принялась за работу, вздрагивая при каждом шорохе. Мне казалось, что малыш узнал каким-то образом о моей вчерашней проделке и непременно расскажет об этом родителям. Мальчик постоянно оказывался у меня за спиной в самый неподходящий момент, потом смеялся и убегал.

Так продолжалось почти три дня, пока МакСтюарты не попросили меня пройти в гостиную. Джошуа сидел в кресле, положив ногу на ногу. Он указал рукой на диван и сообщил, что их семья переезжает в другой город. Мне предложили поехать с ними, но я отказалась.

Возможно, из-за того, что чувствовала на себе напряженный взгляд мальчика, прятывшегося за дверью.

Так закончилась моя работа в квартире Эмили. Уезжая, мне дали хорошие рекомендации, и почти сразу меня приняли на другую работу в небольшой особнячок, расположенный недалеко от города. Мне выделили крошечную комнатку в левом крыле, где жили остальные слуги.

Мои обязанности ничем не отличались от предыдущих. Я вытирала, мыла, чистила. И как на предыдущей работе произошло то, чего я не ожидала.

Возвращаясь из города, я заметила стоявшую возле соседей полицейскую машину. Прибавив шаг, я скрылась за входной дверью и, вытерев ноги, направилась на кухню, где возилась с супом кухарка Элен: засучив рукава, она резала лук. Поставив на складной стул пакеты с провизией, я взяла металлическое ведро с железным совком и поспешила в гостиную.

Мне нужно было убрать золу из камина, с чего я сразу и начала. Работа была пыльная и грязная, но я справлялась успешно. Когда последняя порция золы оказалась в ведре, я заметила маленький сверкающий предмет, лежавший за обугленным поленом.

Черными пальцами я взяла предмет и вытерла фартуком. Это оказалась красивая брошь в форме груши с алмазной россыпью. Как эта прелесть оказалась в камине я не понимала, да и не хотела знать.

Сжав в кулаке находку, я напряженно думала, что мне с ней делать. И как в тот раз в библиотеке, за спиной послышались шаги, и я машинально положила брошь в карман.

Всю ночь я не могла сомкнуть глаза. Я обдумывала свое положение. Что мне делать? Зачем мне это? Не лучше ли вернуть все хозяевам? Но МакСтюарты уехали, к тому же не спохватились пропажи, а Сильверманы, наверное, сами решили избавиться от украшения, иначе как эта красота оказалась в камине?

Я повертела в руках брошь и уснула. Ответ на первый вопрос пришел во сне, поэтому в первый свой выходной я взяла цепочку и брошь, убрав их в кошель.

Я доехала до городского ломбарда. Попросив шофера подождать меня, я толкнула стеклянную дверь, потревожив колокольчик.

Услышав звон, на меня посмотрел пухлый лысый мужчина с пенсне. Он окинул взглядом мой скромный наряд и удивленно посмотрел на то, что я выложила перед ним на зеркальный прилавок. Поднеся к глазу лупу, он заворожено разглядывал алмазы на груше, а потом переключился на цепочку с рубином.

Спустя несколько минут, он задумчиво почесал голову и, сообщив, что скоро вернется, исчез за портьерой.

Пока я разглядывала ювелирные изделия на витрине, колокольчик снова ожил, и в ломбард вошел статный молодой человек. Сняв канотье, он не спеша дошел до кассы и как бы невзначай посмотрел на меня. Мое сердце екнуло, я узнала в мужчине одного из гостей Эмили. Я резко дернулась к кассе и попыталась спрятать цепочку с брошью, но мужчина меня опередил. Он взял с прилавка цепочку и поднес к красивому лицу. Серо-зеленые глаза сощурились, а курносый нос наморщился.

У меня закружилась голова, руки затряслись, и мне стало не хватать воздуха. Что-то мне подсказывало, что этот мужчина узнал украшение. Моя интуиция меня не подвела.

Опустив цепочку к себе на ладонь и сжав ее в кулаке, мужчина вопросительно посмотрел на меня. Я собралась уже разрыдаться, броситься на шею и говорить, что я не хотела делать ничего противозаконного, однако мужчина, молча, вернул цепочку.

Я растерянно забрала протянутое и изумленно посмотрела на мужчину. У него на щеках появились ямочки, когда он улыбнулся. Мужчина вернул шляпу на голову и достал из кармана визитку. Со словами «мне нравится ваша хватка», он отдал честь и удалился из помещения.

Посмотрев на кусок картона, я узнала, что его зовут Ксавьер Чедвик. В моей дальнейшей судьбе этот человек займет самое главное место. Я потом долго спрашивала себя, почему я решила сойтись с ним? До сих пор, переживая моменты, когда я впервые оказалась у него дома, в шикарном поместье, мне становится больно. Если бы я не появилась там, то сейчас не находилась бы здесь, и вы не слушали бы мой рассказ. Но в любом случае, моя судьба сделала так, чтобы я связала себя с Ксавьером кровавой веревкой, разрезать которую мне так и не удалось.

Я не могу сказать, что после знакомства с Чедвиком, я жила плохо. Нет, наоборот, я купалась в деньгах, делала, что хотела. Если вам кажется, что у меня был роман с Ксавьером, то вы глубоко ошибаетесь. У нас были сугубо дипломатические отношения, хотя я всегда чувствовала на себе его пожирающий взгляд и знала, что он ко мне не ровно дышит. Он бесился и бросал в стену первые попавшиеся предметы, когда я отказывала ему, однако быстро успокаивался и радостно выпивал стакан виски.

Каждый день, сидя перед огромным каменным камином, в котором потрескивали дрова, Ксавьер протягивал мне документы, и я напряженно изучала их, удобно устроившись в кресле. Когда последняя строчка материала была вызубрена, я закидывала голову и смеялась, так я давала понять, что дело – пустяк. Мы поднимали в воздух бокалы. Тем самым мы закрепляли договор.

На следующее утро возле позолоченного зеркала я снимала с себя все украшения, подаренные Ксавьером, убирала их в дубовую шкатулку, слегка наносила макияж и выбирала из шкафа самый скромный наряд. В таком виде я садилась в такси и, не доезжая пару кварталов до места, расплачивалась с шофером и быстрыми маленькими шажками шла в дом, где меня уже ждали.

Без труда я производила на работодателей положительное впечатление и сразу же приступала к работе. После недели изнурительной работы в качестве служанки у богатых и влиятельных людей, и после того как, изучила каждый дюйм их роскошных апартаментов, я приступала к главному заданию, данному мне Ксавьером.

В памяти хорошо держалось самое главное: африканский амулет стоимостью несколько тысяч фунтов, который я должна была найти и тихонько забрать. Как сказал мне босс, семья, у которой я сейчас работала, уезжала в Египет, поэтому вещица будет лежать где-то среди упакованных вещей. Забрав амулет, я не накликаю на себя подозрения, потому что будет большая вероятность того, что спохватятся хозяева только в Каире.

В последний день перед их отъездом на вокзал, я направилась в кладовую, зная, что семья поехала по друзьям. Хоть я и была одна в доме, но все равно закрылась на щеколду, так я почувствовала себя в большей безопасности.

Сев на колени, я провела рукой по чемодану, размером не больше, чем ящик комода. Достав из волос шпильку, я сунула ее в замочек и с легкостью открыла его. Аккуратно выложив на пол сложенные вещи, я ощупала дно чемодана и с помощью ножа, прихваченного из кухни, я отпоролa подкладку, под которой оказалось огромное количество украшений: серебро, белое и желтое золото, невероятной красоты серьги и кольца с огромными драгоценными камнями. Но то, что я искала, лежало в черном тряпичном мешочке с красными завязками. Убедившись, что внутри лежит амулет, я облегченно вздохнула. Но просто так все сложить на место я не смогла, поэтому, взяв самое красивое, на мой взгляд, кольцо, я с чистой совестью сложила вещи в том порядке, в каком они лежали.

Мой успех мы отпраздновали шикарно: стол просто ломился от всевозможных блюд. Для двоих это было многовато, но, как я не заставляла себя не есть много, съела порядочное количество блюд, запивая теплым глинтвейном.

Так началась моя карьера. Неделя работы в чужом доме, пара дорогостоящих безделушек, а потом три дня роскошного отдыха.

Раз в месяц я приезжала домой и привозила родителям кучу подарков. Конечно, я не говорила им о том, кем я работаю, и была очень рада, что и они не стремятся знать правду. Находясь дома, я забывала о своей нынешней жизни, окунаясь в воспоминания, помогая матери проверять контрольные работы учеников, как раньше, пока я еще жила здесь. Если мой визит падал на выходные, то в воскресенье обязательно шла с отцом в церковь. Мои отношения с отцом постепенно портились из-за того, что я отказывалась исповедаться. Он стал подозревать меня в нечистом, и, черт возьми, он был прав!

Может, поэтому в последние дни я редко стала навещать родителей. К тому же работы стало у меня больше. Ксавьер как-то заявил мне, что ему не нравится, что как ни крути я остаюсь служанкой. Он решил покончить с этим и сказал, что отныне будет просить работу посложнее.

Оказалось, Ксавьер был не самым главным, как я думала, а всего лишь помощником правой руки некоего Йонджа, которого он в лицо никогда и не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.